

Посвящается моей маме

Все персонажи в произведении являются вымышленными, любые совпадения с реально живущими либо когда-либо жившими — случайны.

Пролог

Словно цуцик замерзшая, я стояла на вокзале Хельсинки в ожидании своего поезда. Моя короткая, но яркая поездка в Финляндию на концерт любимых The Killers¹ почти завершилась. От дома меня отделяли почти четыре часа пути. Февраль был на исходе, и весна уже зарождалась в моем примерзшем к грудной клетке сердце. Признаюсь, я никогда не любила тепло одеваться. Привычная кому-то многослойность — рубашка, свитер, сверху пиджак или еще что-нибудь — в моих глазах выглядела как настоящее испытание. Будто все эти слои одежды отнимут у меня свободу перемещения, как сломанная нога, для которой не нашлось подходящих костылей.

Поезд наконец-таки подъехал к перрону, и я вошла в вагон. Вещей у меня было совсем немного — полупустой рюкзак зеленого цвета, который напоминал о неизбежности лета. Скользя взглядом по рядам, я увидела обритую налысо голову какого-то парня, сидящего ко мне спиной. Молодой человек занимал крайнее место в «четверке со столом». Так я называю места в поезде, когда парные кресла в вагоне располагаются друг напротив друга, а объединяет их стол. Если честно, к сидящим в проходе я всегда относилась как к малость «обделенным». Ведь им не понять мечтающих и сладко сопящих пассажиров у окна.

Я села напротив лысой головы, только у окна. Парень с интересом посмотрел на меня, на что я ответила полуулыбкой. Ну такой, слегка загадочной, как у Моны Лизы. Кстати, я ведь тоже Лиза. Точнее, Элизабет Гросс.

Еще один момент, чтобы не осталось между нами недосказанности. При знакомстве с иностранцами я люблю начинать беседу на немецком, хоть он уже и подхрамывает. Ведь

¹ Американская рок-группа.

английским в наше время никого не удивишь, и он у многих в рабочем режиме по умолчанию.

- Hallo.
- Hallo.¹

Слышу у парня очевидный русский акцент, понимаю, что прикидываться немкой нет смысла. Мое произношение сразу меня выдает.

Я закинула свой рюкзак на верхнюю полку и села. Смущенная от пристального взгляда незнакомца, я начинаю ощущать, как тепло приливает к лицу. Он смотрит очень внимательно, словно пытается вытащить из меня важную для него информацию.

— Wo und wie lange hast du eigentlich Deutsch studiert?

— Ich habe als Au-pair-Mädchen 9 Monate in München gearbeitet.

— Ach so! Und wie war es? Hat's dir gefallen?

— Es war langweilig!²

— И почему? — перешел вдруг парень на русский.

— Да потому, что работа с детьми очень нервная и не всегда интересная, — ответила я.

— И ты вернулась, не было возможности остаться?

— Возможность была, а цели такой не было.

По моей интонации попутчик понял, что лучше оставить эту тему.

— Я Марк, — представился парень, показав белую линию ровных зубов, и протянул мне руку.

— Лиза, — ответила я.

Рукопожатие было очень крепким, рука Марка оказалась твердой и сильной. Такое ощущение, что он накрепко ее настолько, насколько смог. Честно сказать, я всегда слегка

¹ — Здравствуйте.

— Здравствуйте. (нем.)

² — Где и как долго ты, собственно, учила немецкий?

— Я прожила в Мюнхене девять месяцев и работала в качестве няни в немецкой семье.

— Значит так! И как тебе? Понравилось?

— Скучно! (нем.)

оцениваю парней по рукопожатию. Если оно вялое и неубедительное, то не стоит и связываться: ничего путного из этого знакомства не выйдет.

Помимо бритой головы во внешности Марка выделялись большие зеленые глаза, чувственные пухлые губы и крупный нос, не заметить который было очень сложно. В целом, Марк обладал ярко выраженной еврейской внешностью, поэтому его фамилия Фельдман ничуть меня не удивила. Он не был красив и вообще не относился к типу парней, которые меня обычно привлекают. Но он обладал особым мужским обаянием, которого напрочь лишены вылизанные смазливые парни. Кроме этого, у Марка был очень необычный взгляд: он говорил одновременно и о самоуверенности, и об одиночестве. Марка определенно хотелось рассматривать и узнавать ближе. Он заметил, что вогнал меня в краску окончательно, и в конце концов перестал тарачиться.

Через какое-то время к нам подсели парень и девушка в типично туристическом прикиде. Спортивные куртки, яркие шапки с помпонами, огромные рюкзаки. Парня от очевидного туриста отличали лишь бордовые вельветовые штаны, любовь к которым питают многие иностранцы. В России молодого человека в таком виде редко встретишь. Марк был одет в черные потертые джинсы, желтые ботинки хорошо всем известной американской марки. Воротник темно-зеленой рубашки слегка прикрывал видневшуюся татуировку. Парень и девушка с рюкзаками оказались датчанами, которые тоже были на концерте в Хельсинки, а теперь ехали в Петербург за барным весельем, эрмитажными картинами и настоящей русской зимой с блинами.

— Ты из Петербурга? — спросил меня Марк.

— Да, а ты?

— Тоже. Но я несколько раз переезжал.

У тридцатидвухлетнего Марка за плечами оказались и Германия, и Англия. В первой он прожил десять лет, после чего учился в Лондоне. Отец Марка — уважаемый в научных кругах математик, которому удалось в 90-е уехать с семьей, чтобы преподавать в Техническом университете в Берлине. В столице

Германии Марк закончил школу, а потом, уже один, переехал в тусовый Лондон. Мой новый знакомый очень бегло и уверенно говорил на двух иностранных языках. Его английский, идеальное звучание которого, словно одна фальшивая нота, нарушал лишь русский акцент, мне удалось услышать в беседе с датчанами.

— Одна живешь или как?

Я особенно ждала этого вопроса, и вот почему. Чуть больше года назад я наконец-таки съехала с родительской квартиры и снимала небольшую студию на севере города. Много раз, беседуя с иностранцами в очередной поездке, мне было неловко говорить, что я до сих пор живу с отцом. А тут мне представилась возможность заявить миру о своей самостоятельности и независимости. И я четко ответила:

— Да!

Марк снимал комнату на Васильевском острове с двумя студентами и признался, что соседи его ничуть не смущают, а даже наоборот, он любит с ними общаться. Вдобавок парни увлекались музыкой, и темы для разговоров находились всегда.

— Чем ты занимаешься? — спросил меня Марк.

— Я журналист-фрилансер. Если быть точнее, пишу о моде, освещаю культурные городские события, хожу на мероприятия для прессы, чаще всего это презентации чего-нибудь, реже — кинопремьеры и театральные постановки.

— Я барабанщик, — не дождавшись встречного вопроса, произнес Марк. — Играю джаз в группе Vagabrothers.¹

Фельдман получал все больше очков в моих глазах. Он имел «иностранное» прошлое, владел двумя языками, играл джаз и, в конце концов, он был евреем, к которым я питала особую симпатию.

— Где ты учился в Лондоне?

— В Королевской академии музыки. После мне предложили место в одном джазовом ансамбле, где я проработал год. А потом взял и вернулся в Петербург, в котором родился и прожил первые восемь лет своей жизни.

— Почему ты не остался в Лондоне, что было не так?

¹ Кочующие братья (англ.).

— В какой-то момент я понял, что музыка, которую я играю, перестала быть «настоящей», в ней не было той энергии, ради которой люди идут на концерт. Такой джаз не заряжал и меня самого. А что твои статьи, тебе нравится этим заниматься?

Я отвела взгляд в сторону и протянула:

— Ну, как тебе сказать...

Дело обстояло следующим образом. Писать я очень любила и только в этом занятии видела себя, но мне так надоели все эти модные тренды, актуальные цвета сезона, одни и те же лица на каждом мероприятии, куда меня приглашали. Просто хотелось перемен. Чего-то такого, что встряхнет меня и покажет жизнь с другой стороны: яркой, динамичной, насыщенной, полной эмоций и интересных людей. Я давно остыла к тому, о чем писала, и изо дня в день только и думала о поездке в Южную Америку. Я быстро прокрутила все эти мысли, пока Марк ждал ответ. Мне не хотелось выдавать ему всю подноготную, но и врать тоже не хотелось.

— Я вполне довольна тем, что делаю. Правда, как и многим, хочется разнообразия и ощущения, что жизнь не стоит на месте, а движется вперед. У тебя бывает чувство, будто ты иногда буксуешь?

— Определенно! И это состояние резко приходит на смену активности. У меня случается какой-то ступор, я могу неделями не выходить из дома и ничего толком не делать. Тогда на помощь приходят соседи и друзья по группе, которые как-то умеют меня расшевелить и вернуть к жизни.

Откровенность Марка меня удивила. Он так легко признался, что страдает депрессиями, а говорил он явно о них, что мысленно я поставила ему еще один балл за честность. В круговороте историй, которыми мы делились друг с другом, я смотрела на Марка все с большим интересом. Образованный и начитанный, он абсолютно этим не кичился, чтобы произвести на меня впечатление. Речь его была складной и ровной, хоть местами и слишком быстрой. Матерные словечки, которые он иногда использовал, входили в наш разговор очень органично и своевременно. Он отпуская шуточки, широко улыбался и вы-

глядел как настоящий победитель по жизни. От него исходила какая-то особая энергия, которая притягивала и влекла меня. В целом я находила его вполне привлекательным и даже немного артистичным.

Мы оказались на Финляндском вокзале, народ зашевелился и поспешил к выходу. Марк молча взял свой рюкзак, до этого он успел вызвать такси через приложение. Пока мы толкались в проходе, он слегка прикоснулся к моей ладони, будто нечаянно ее задел. Я стояла спиной и благодарила Бога, что Фельдман не видит моего ликования. Мысль о возможном свидании молниеносно проникла ко мне в голову. Мы вышли на улицу, прошли до метро, и я увидела ждущую его белую машину. Крупный снег и мерцание фонарей придавали этой ситуации столько романтики, сколько ее можно было сюда вместить. Мы остановились рядом с машиной, и Марк пристально на меня посмотрел. Его большие глаза были слегка прикрыты, подбородок задран вверх, а на губах играла легкая улыбка. Он взял мою руку и крепко сжал ее, отчего мне стало немного больно.

— Поедешь ко мне?

Я стояла в ступоре и не могла ничего ответить. Его взгляд словно гипнотизировал и прожигал меня, отчего ноги стали ватными. Я была готова долететь до Южной Америки и вернуться обратно, лишь бы он пригласил меня на свидание после нашей первой ночи. Но гарантии, что это произойдет, никто дать не мог. Поверни я сейчас в сторону, у меня появлялся крохотный шанс, что мы все-таки увидимся вновь. Пересилив свое влечение, пересохшим во рту языком я выдавила из себя:

— Heute nicht.¹

— Ну как хочешь, — с насмешкой ответил Марк, отпустил мою руку и сел в машину.

Он даже не взглянул на меня из окна! Выдуманное мною свидание только что лопнуло как мыльный пузырь, по которому хлопнула дверь такси. Посмотрев вслед отъезжающей машине, разочарованная, я побрела в метро.

¹ Сегодня нет. (нем.)

Глава I. Весна

После знакомства с Марком еще неделю я прокручивала наши разговоры у себя в голове, пытаюсь понять, почему он исчез и даже не спросил мой номер. Я надеялась хотя бы на то, что Фельдман запомнил мою фамилию Гросс, которая указана в социальных сетях, но сообщений по-прежнему не было. Потратив не один час на просторах интернета, никого похожего на Марка я так и не нашла. В итоге, откинув мысли о своей четырехчасовой неразделенной любви, я попросту отпустила ситуацию.

Мой попутчик заинтересовал меня не только необычным бэкграундом и образованностью, но и тем, что оказался евреем. Они для меня представляли особую ценность. Я очень гордилась, что небезосновательно могла себя причислить к «избранному народу». Ведь моя прабабушка Сара по отцовской линии была наполовину еврейкой. А прадед по маминной линии — польским евреем. Большую часть жизни он прожил в Белоруссии под другими именем и фамилией, чтобы не вызывать к себе подозрений. Фамилия Гросс мне все-таки досталась от отца, чьи еврейские родственники до Октябрьской революции владели золотыми рудниками в Новосибирске. Несмотря на родословную, еврейкой я была так себе, потому что, как мы привыкли говорить, это седьмая вода на киселе. Но мне очень хотелось таковой себя считать.

Пока мысли о Марке бушевали в моей голове, в Петербурге наступил март. Это то самое время, когда весны уже очень хочется, но происходящее за окном мало на нее похоже. Как правило, именно в этом месяце дует самый холодный ветер, за ночь на улицах образуется грязное месиво, которое к вечеру превращается в лед. Или наоборот.

У фриланса, или попросту удаленной работы, есть свои значительные преимущества. Одно из них — отсутствие часа пик в твоей ежедневной жизни. Пресс-мероприятия, куда меня приглашали, я посещала чаще всего во второй половине дня, впрочем, как и редакции, для которых писала статьи. После

офисной работы такой режим какое-то время казался мне непривычным, иногда не хватало банальных разговоров с коллегами. Но постепенно я втянулась в новый график. Размеренная жизнь позволяла мне подниматься около десяти, и после плотного завтрака я принималась за работу.

Обычный мартовский день тянулся за окнами моей квартиры, пока я сопела в подушку. Телефон под ухом начал раздражающе вибрировать. Продрав глаза, я увидела сообщение в социальной сети:

«Привет, давно не общались. У меня к тебе есть разговор, точнее деловое предложение. Найдешь время для встречи?»

Писал мне Макар, настолько старинный знакомый, что о его существовании я давно позабыла. Сначала возникла мысль, что мне все это снится, но дикий визг соседского Андриوشки сверху развеял все сомнения. Это была реальность.

«Да что ему надо!» — пронеслось у меня в голове.

Свой ответ я решила написать после завтрака, ибо не стоит беспокоить голодную барыню.

Я лениво пережевывала свой утренний тост с арахисовой пастой под звуки «Радио Берлин». Помимо немецкого, которым я решила заняться после встречи с Марком, там звучали исполнители, как говорится, на все времена: Sting, R.E.M, Jamiroquai и еще много кого интересного. Под легкую мелодию MoJo «Lady» я стала вспоминать, как Макар появился в моей жизни.

Макар был крепким парнем среднего роста и отличался брутальностью и нарочитой мужественностью. На момент нашего знакомства он играл в малоизвестной рок-группе, параллельно занимаясь ее продвижением на музыкальном рынке. Да и в целом был неким идейным вдохновителем для остальных членов коллектива. Он наткнулся на профиль моей одноклассницы Эки в социальной сети, которая в то время стремительно набирала популярность среди молодежи, и пригласил ее сняться в их клипе. В качестве группы поддержки Эка, с которой мы регулярно общались, взяла меня с собой. В холодный августовский день на берегу Финского залива, где проходили съемки, мы впервые и встретились с Макаром.

Моя школьная приятельница отличалась необыкновенным умением находить общий язык практически со всеми, что меня всегда удивляло. Я не умела дружить с каждым, кто проявлял ко мне интерес, поэтому Эка часто была неким «связующим» человеком между мной и какой-то компанией, где без нее я бы точно не оказалась. Неудивительно, что после съемок на заливе она стала общаться с Макаром. Нужно сказать, что моя подруга была очень видной девушкой. Чистокровная грузинка с крупными формами, высокая и пошловатая, она обладала прекрасным чувством юмора и умением «закрутить» парня в два счета. Конечно, Макар повелся на этот «боевой комплект». Их связь просуществовала какое-то время, но были ли у них роман, история умалчивает.

Под истеричные крики соседей сверху, которые в какой-то момент вытеснили Мою, мои воспоминания о Макаре оборвались. Его сообщение казалось мне странным, ведь с Экой мы давно не общались. У меня был свободный час перед презентацией новых духов, и я все-таки согласилась с ним встретиться.

Крепкий брюнет с немного вьющимися черными волосами ждал меня в кафе на углу Каменноостровского и Большой Монетной. Он сидел с очень серьезным видом и что-то внимательно читал в телефоне. Мое появление заставило его оторваться от гаджета и остановить на мне хитрый взгляд.

— Лиза, привет! — произнес Макар.

— Привет-привет, давно не виделись, — улыбаясь, ответила я.

Мы обнялись. Я сделала это без особого энтузиазма, в то время как мой знакомый постарался на славу.

— Ну, рассказывай, чем ты сейчас занимаешься? — сев на место, спросил Макар.

Я кратко описала свою работу журналистом и заострила внимание на том, что расслаживаться времени нет, ведь новые духи сами себя не понюхают и о себе не напишут.

— Хорошо, я тебя понял, — с ухмылкой ответил Макар.

Из небольшой преамбулы, состоящей по большей части из дифирамбов самому себе, я узнала, что рок он давно не играет, но в музыкальной сфере по-прежнему крутится. А точнее, за-

нимается продвижением джазовых групп и организаций для них гастролей.

— Ты что-нибудь слышала о Vagabrothers?

В голове моей сверкнула молния. Образ наглого Марка возник между мной и Макаром. И, слегка стусевавшись, я протянула:

— Да.

— Отлично! Я как раз с ними работаю. Ситуация следующая. В начале лета мы отправляемся в европейский тур с концертами, и нам очень нужен пишущий человек вроде тебя. Гастроли продлятся, скорее всего, до середины августа. Тебе такое могло бы быть интересно?

— А то! Я люблю джаз, правда, плохо в нем разбираюсь. А что писать нужно будет?

— Разные тексты, вроде анонсов выступлений или небольших статей. Где-то придется помогать мне в организационных вопросах. У тебя как, кстати, с английским?

— В целом, неплохо. Я могу писать и на нем.

— Давай лучше на русском, Марк у нас хорошо переводит. Главное, чтобы исходник был грамотный.

— А кто такой Марк? — прикинувшись шлангом, спросила я.

— Он играет на ударных и отвечает за репертуар. Если проще, мы с ним оба у руля. Остальные больше как исполнители.

— Понятно, — протянула я.

— Давай сделаем так: напиши пару текстов в качестве тестового задания, темы я вышлю на почту. Если нам с Марком понравится, я приглашу тебя в студию познакомиться с ребятами. Идет?

— Вполне. Погоди, а кто раньше писал тексты?

— Да была у нас одна, Олей звали. Она в Штаты не так давно уехала. Короче, это вообще неважно.

Мы еще немного поболтали с Макаром на темы, не связанные с работой, и, расплатившись за кофе, вышли на улицу.

— Объясни, почему ты решил именно мне все это предложить.

— Честно сказать, это была идея Марка. Он случайно увидел тебя в ленте моих друзей, — ответил Макар. — Потом все

удивлялся, откуда мы знакомы. Я ответил, что твоя подруга снималась у нас в клипе. Потом Фельдман рассказал про поезд из Хельсинки и немного про тебя.

— А что конкретно?

— Что ты очень разносторонний человек, с которым приятно иметь дело.

— Теперь ясно, — пытаясь скрыть торжествующую улыбку, ответила я.

Мы обменялись с Макаром контактами и распрощались. Пройдя несколько шагов, я услышала голос вслед:

— А Марк оказался прав, ты ценный экземпляр!

* * *

Презентация прошла по стандартному сценарию: сначала все долго собирались, потом PR-менеджер парфюмерной компании расхваливала нам «аромат для истинных ценителей роскоши», чей ценник, между прочим, превышал минимальную зарплату по стране. После долгих речей об уникальности нового продукта оголодавшие журналисты, включая меня, потянулись в сторону накрытых столов с закусками и шампанским. Я быстро почувствовала эффект от игристого, непринужденно поболтала с парой знакомых, но после презентации поспешила вернуться домой. К тому времени Макар уже выслал мне задания, так что, окончательно протрезвев, впервые в жизни я села писать о джазе.

Наутро я внесла кое-какие правки в текст и отправила его Макару. Как часто со мною бывает, я рассчитывала на быстрый ответ, но мой старинный приятель явно ушел в глухую оборону. Он не писал и не звонил. А я, в свою очередь, не хотела быть навязчивой, поэтому занималась бытовыми делами и дописывала статью о жемчуге, которую и так изрядно задержала. Мой телефон предательски молчал. Зазвонил он только спустя четыре дня с момента нашей с Макаром встречи. Но голос был совсем не его.

— Привет, Лиз, это Марк, могу отвлечь на пару минут?

От этих слов сердце у меня забилося чаще.

— Привет, конечно! Как жизнь? — ответила я, стараясь не выдавать своего волнения.

— Спасибо, все в порядке. Я прочитал твои тексты. Сможешь подойти в пятницу к нам в студию около трех?

— Погоди, проверю свой ежедневник.

Я бессовестно лгала. Никакого ежедневника у меня не было. Вдобавок я прекрасно знала, что в этот день абсолютно свободна. Но мне хотелось показаться Марку очень деловой. Быстро схватив увесистую кулинарную книгу, я стала шумно перелистывать страницы, будто ищу в своем плотном расписании время для встречи. На рецепте ленивых голубцов я осознала, что пора прекратить свое дешевое представление, и мы быстро договорились о встрече. До нее оставалось жить два дня, и это было на тот момент самое трудное для меня испытание.

Как типичная женщина, я стала думать, что же надеть. На улице было еще прохладно, но снег начинал потихоньку таять, оголяя куски мокрого асфальта. Мои дружеские связи пришлись кстати. В одном дорогушем магазине, где работала администратором моя подруга, я получила значительную скидку на нужную мне вещь из текущей коллекции. Приталенное платье из черного шелкового трикотажа с кружевными вставками на рукавах и в области талии — идеальное сочетание, чтобы выглядеть стильно и со вкусом. Я надела обновку с колготками цвета марсала, добавила черные ботинки на шнуровке, прикрывающие щиколотку, и с яркими губами отправилась влюблять в себя Марку. Уже в метро я вспомнила, что на презентации мне подарили пробник «чарующей роскоши». Вытащив из косметички малюсенький флакон, я нанесла немного аромата на шею и запястья. После чего приятный запах граната окутал меня легким облаком, а моя самооценка в этот день превысила отметку максимум.

Студия находилась недалеко от кафе, где мы встречались с Макаром, рядом с Австрийской площадью. Я шла небыстрым шагом по Каменноостровскому проспекту и пыталась хоть как-то побороть свое волнение. Несмотря на отточенную журналистскую коммуникабельность, я все равно немного тушевалась при знакомстве с новыми людьми. В тот момент ощу-

щение было такое, словно я иду на важное для себя собеседование. Хотя отчасти ведь так и было. Скажу честно, ребята из группы меня не так волновали, как встреча с Марком. Свернув на улицу Мира, я прошла по ней три дома и нырнула в арку. Во дворе было несколько вывесок, нужная мне значилась как «Studio 812».¹ Рядом с дверью стоял молодой человек и курил. Нас разделяли несколько метров, но уже издалека я заметила, насколько он красив. Высокий, плечистый, с русыми, немного вьющимися волосами, он затягивался сигаретой и смотрел на меня. Чем быстрее я приближалась к двери, тем больше убеждалась, что передо мной ожившая статуя Давида работы Микеланджело. Было очевидно, что он иностранец — либо американец, либо австралиец. Пропорциональные черты лица, голубые глаза и аккуратная щетина создавали совершенную мужскую внешность, о существовании которой в России даже не догадываются. Докурив, он слегка поднял брови, отчего на его лбу образовалось несколько морщинок. Улыбаясь, иностранец открыл мне дверь.

— Thanks,² — с кокетством произнесла я.

— Пожалуйста, — произнес Аполлон, с трудом выдавливая из себя каждый звук, а потом прибавил: — Я немного говорю по-русски.

Это было очень смешно. Как же, как же тяжело дается бедным иностранцам произношение русских слов.

— Great! Anyway, I speak English,³ — ответила я.

Мы вошли внутрь. Нас встретила невысокая приветливая девушка с длинными черными волосами. Худенькая, даже хрупкая, она была одета в темно-синие джинсы прямого кроя и обтягивающую черную футболку, которая кричала о том, что лифчика под ней нет. Маленькая, но столь сексуальная грудь выглядела дерзко и явно имела какую-то цель. Девушку звали Софья, и она ну очень быстро разговаривала. Из-за чрезмерной эмоциональности в уголках ее губ скапливалось немного слюны, которую она не успевала глотать.

¹ «Студия 812» (англ.).

² Спасибо (англ.).

³ Здорово! В любом случае я говорю по-английски (англ.).

— Ты, должно быть, Лиза! Макар предупреждал, что сегодня должна подъехать девушка для Vagabrothers.

— Привет, это я.

Соня была администратором студии, следила за порядком и должна была знать, кто сюда приходит и зачем.

— Ребята еще не собрались, но ты подожди в переговорной. Сейчас все подтянутся. Хочешь, я кофе тебе сварю?

— Да, спасибо! А можно мне пока воды?

Задорная Сонька показала мне, где кулер, а заодно и проводила в переговорную.

Помещение, которое занимала студия, оказалось достаточно большим. Пройдя по коридору со множеством дверей, я оказалась в просторной светлой комнате с большими окнами. Посередине стоял стеклянный стол, к нему были приставлены ярко-оранжевый диван и несколько стульев. С улицы светило мартовское солнце, гармонию которого перебивал отчетливый запах перегара. На диване лежало упитанное мужское тело и страдало. Лицо искажали боль и безысходность ситуации. Уверена, что в этот самый момент парень в очередной раз давал себе клятву, что никогда больше не будет пить. Даже пиво.

— Это у нас Семен, — произнесла с ехидством Соня. — Ему сегодня малость нездоровится. Сема, сядь нормально, тут гости!

Семен медленно поднялся и с трудом принял вертикальное положение. Подперев руками свою пока неясно мыслящую голову, на выдохе он произнес:

— Я гитарист.

Без улыбки на все это смотреть было нельзя. Я представилась и села на стул напротив. Следующим зашел Джейсон. Им оказался тот самый курящий Аполлон, которого я встретила еще на улице.

— Still so bad? — спросил он Семена.

— Oh yes, holy shit,¹ — вяло ответил тот.

Джейсон очень аккуратно сел рядом с Семкой, чтобы не причинять ему лишних мучений. Заглянула Соня с чашкой

¹ — Все так же плохо?

— О да, черт возьми (англ.).

кофе для меня и чаем для страдальца. Он благодарно кивнул за проявленную заботу и стал медленно делать маленькие глотки. Выходило у него это настолько громко, что если бы где-нибудь проходил чемпионат по хлопанию, гитарист стал бы его абсолютным победителем. Пока Семен боролся с похмельем и оглушал меня раздражающим звуком, я беспардонно рассматривала Джейсона. Как я уже говорила, он был красив и благороден, настоящий «парень-сказка», «парень-мечта».¹ Не выдержав, я прервала наше молчание.

— Where're you from?

— From New York.²

Моя наблюдательность на улице не подвела. Джейсон оказался американцем из семьи врачей, отец был хирургом, а мама — педиатром. Сестра Бриджит занималась продажей медикаментов или еще чего-то такого. После школы Джейсон поступил на медицинский, как хотели его родители, но бросил учебу из-за чрезмерной любви к музыке. В итоге, через год он оказался в консерватории и стал контрабасистом. В России он жил уже почти три года, о чем вовсе не говорил его русский. Джейсон, как и многие иностранцы, которых я знаю, был влюблен в загадочную русскую душу со свойственной ей меланхолией. Звучало это красиво, но на деле не означало ничего. Он вырос в благополучном районе Бруклина, где в одну линию выстроены аккуратные трехэтажные домики с чистыми крыльечками. Я так и представила, как он, будучи еще подростком, сажает деревья в каком-нибудь public garden³ неподалеку от своей благополучной американской жизни. Про себя я решила называть его «золотой мальчик из Бруклина». Это определение давало ему самую точную характеристику.

Спустя одну чашку чая и кофе появились парень с девушкой, голоса которых были слышны еще из коридора. Оба высокие и стройные, они обсуждали фильм, который смотрели

¹ Обыгрывается фраза из песни «Город» группы «Танцы Минус».

² — Откуда ты?

— Из Нью-Йорка. (англ.)

³ Общественный сад (англ.).

накануне. Девушку звали Надей. У нее были большие голубые глаза и короткие, немного с рыжиной волосы. Одета она была по-спортивному. Как и Джейсон, Надя имела врачебное прошлое, но куда более серьезное. Еще каких-то пару лет назад она была ортодонтом и хорошо зарабатывала. После пяти лет врачебной практики Надя внезапно все бросила и пошла учиться играть на саксофоне, живя на накопления. А когда они стали заканчиваться, начала играть в джазовых ансамблях. Волею случая или судьбы на одном из выступлений в «Шляпе»¹ к ней подошел Макар и предложил присоединиться к Vagabrothers. Миша — молодой человек с Надей — оказался клавишником. Как и подобает всем пианистам, у него были тонкие длинные пальцы. Свои отросшие темные волосы Миша аккуратно убирал за торчащие уши, что придавало ему слегка простоватый вид. Мы посидели впятером буквально несколько минут, как я услышала знакомый голос Марка. В меру низкий, с легкой хрипотцой, он чуть не заставил мое сердце выпрыгнуть прямо на стеклянный стол. Макар и Фельдман приближались к нашей двери. В голове моей стучала барабанная дробь, оповещающая появление главного героя сегодняшнего дня.

Ребята шумно ввалились в «перегарную», освещенную весенним солнцем. Мой взгляд, конечно, был прикован к Марку. Все в тех же черных джинсах и серой футболке с надписью «People puke when I smile»² он казался мне сверхпривлекательным. Наконец-таки я рассмотрела, что написано у него на шее: это была татуировка с надписью «Jazz».

Фельдман посмотрел на меня, приветливо кивнул и сел рядом.

— Так, ну вот мы и в сборе, — скомандовал Макар. — Лиза уже, наверное, со всеми перезнакомилась, пока я ждал Марка. Он ведь вовремя никогда прийти не может.

— Ой, будет вам, Макарий Дмитриевич, полно-с. Давеча сами ждали вас с получаса в кибитке городской, пока соизволили-с все юбки накрахмаленные надеть да к балу явиться, — с выражением ответил Марк.

¹ Джаз-клуб в Петербурге.

² Людей тошнит, когда я улыбаюсь (англ.).

Под бурный смех, заполнивший все помещение, Макар спокойно, но с упреком смотрел на наглого Марка и поджимал губы. А тот победно ликовал, что его шутку по достоинству оценили, исключая только, пожалуй, Джейсона.

— Well, stop talking bullshit, — перешел на английский Макар, чтобы Джейсон втянулся в разговор. — Here is a new member of our team, Elizabeth. She'll join us in our European tour as a copywriter and my assistant.¹

— Hey, guys! Happy to be here.²

Дальше разговор пошел о планах на лето, Макар перечислял страны, которые составляли наш маршрут. Во многих из них я уже была, а некоторые мне предстояло посетить впервые.

— Liz, what about your documents? Do you have a Schengen visa already?

— Yes, I do. Plus I'm a happy owner of US visa, so, ready for everything.³

— Но только не к Англии, — встрял Марк. — Или у тебя и такая есть?

— Нет, такой визы у меня нет, — спокойно ответила я.

— Макар, а может, ты ей сделаешь? Пусть Лизавета едет с нами в начале мая в Челтнем на фестиваль.

— Mark, in English, — кивая в сторону Джейсона, ответил Макар. — I'll think it over.⁴

Пока Макар рассказывал о подробностях тура, я украдкой поглядывала на Марка и каждый раз ловила его взгляд. От запястья до локтя его правая рука была замотана пищевой пленкой, под которой просматривалась свежая черная татуировка.

— Что набил? — тихо спросила я.

— Портрет Арта Блэйки.⁵

¹ — Так, давайте прекратим обсуждать всякую ерунду. У нас новый человек в команде. Это Елизавета. Она присоединится к нашему европейскому туру в качестве копирайтера и моего ассистента. (англ.)

² — Привет, ребята. Счастлива быть здесь. (англ.)

³ — Лиз, что с твоими документами? У тебя уже есть шенгенская виза?
— Да, к тому же я счастливый обладатель американской визы. Так что готово ко всему. (англ.)

⁴ — Марк, по-английски... Я подумаю об этом. (англ.)

⁵ Знаменитый американский барабанщик.

Я понятия не имела, кто это, но, видимо, известный джазовый музыкант.

— Знаешь его? — вопросительно посмотрел на меня Фельдман.

— Марк, давай ты похвастаешься Лизе своим новым платьем чуть позже, когда я закончу говорить о делах, которые, кстати, и тебя касаются, — уже с раздражением произнес Макар.

— No problem, pikey, — с нахальной улыбкой ответил Фельдман, — as your dedicated henchman I shall be obedient.¹

После этой фразы он сделал что-то вроде реверанса рукой и слегка опустил голову.

Но Марк в тот день был явно в ударе и быть спокойным не собирался. Он постоянно отпускал шуточки, причем по-английски у него это получалось даже более изощренно, чем по-русски. Он словно жонглировал британскими сленговыми словечками. Макар не мог держать удар на равных, ему просто-напросто не позволял словарный запас. Через сорок минут по его лицу было видно, как сильно Фельдман его раззадорил. Еле сдерживая раздражение, Макар отшучивался как мог, но превзойти своего соперника ему никак не удавалось. А Марк, словно настоящий кокни (cockney),² пыгающийся облапошить лондонского интеллигента Макара, косился на меня и следил за реакцией.

Накалившуюся ситуацию разрядила Соня, чей мотив с торчащими сосками мне стал теперь ясен. Софья вошла в комнату с двумя коробками сока и поставила их на запотевший от эмоций стол.

— Макар, — с женским кокетством произнесла Сонька, — а ты мне можешь принести стаканы? А то ребята пить, наверное, хотят, Семен так уж точно.

Макар весь переменялся в лице. Издевки Марка сразу перестали его волновать, и он, готовый хоть в огонь, хоть в воду, где бы эти стаканы ни стояли, вышел с Соней в коридор.

¹ — Без проблем, цыган... как твой верный паж/слуга я буду покорным (англ.).

Pikey— это деклассированный в Великобритании элемент, чаще всего ирландского происхождения (англ. сленг).

² Низшие слои английского общества, известные своим диалектом.

Все сразу расслабились, открыли окно. Комната, в которой еще три минуты назад чуть не произошло извержение вулкана, стала наполняться свежестью и прохладой. Было видно, как Марк доволен собой. В его больших блестящих глазах отражались самоуверенность и чувство превосходства над соперником. Он знал, в чем его сильная сторона, и очень хотел это продемонстрировать. Операция прошла явно успешно.

Хихикающие Макар и Соня вернулись через десять минут.

— *Er hat gerade so ein süßes Weib gevögelt!*¹— наклонившись близко к моему лицу, шепнул Марк. — А я ведь тоже не против. Может, сегодня все-таки ко мне?

Ситуация повторялась. Только без фонарей, снежинок и легкого головокружения от первой встречи с Марком.

— Вечер уже занят, у меня сегодня свидание, — решила остудить я своего приятеля. Спасибо датскому знакомому Фредерику, который был в Питере по делам. Неожиданно, еще утром он пригласил меня на прощальный пятничный ужин.

Было около семи вечера. Я не думала, что так надолго задержусь в студии. Моя сумка разрывалась от сообщений неутомонного датчанина. В какой-то момент мне стало казаться, будто сейчас там все задымится.

— Так, ребят. На сегодня, думаю, закончим, — сказал уже спокойный Макар. — Лиз, по билетам я тебе расскажу позже, ближе к отъезду.

Ребята засобирались. Я тоже поспешила. Мне хотелось все-таки увидеть Фреда, с которым мы познакомились в Будапеште прошлой осенью. Он был бывший военный, как говорится, красивый-здоровенный, с которым меня связывала переписка, приправленная легким флиртом.

Пока все толпились на улице около студии, я заметила, что Семен и Марк о чем-то договариваются. Они явно обсуждали планы на вечер: «страдалец» был не против продолжить начатый вчера кутеж, в то время как Марк дал понять, что ищет женского общества. Найдя поддержку в глазах друг друга, с разными целями, но все-таки вместе, ребята уехали на такси.

¹ Он трахнул такую бабу! (нем.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru